

О Русь, взмахни крылами!

Сергей Есенин

И разбитою рукою
Я крещусь, крещусь.

Сергей Клычков

С кровью на ланитах,
Сгибнувших, убитых
Не исчезь, любя.

Николай Клюев

Тема репрессий против русских писателей в Советской России XX века, казалось бы, хорошо изучена. Даже несколько избита. Хуже того — после очередной «русской революции» 1991–93 гг., пришедшие к власти так называемые «шестидесятники» (они же «кухонная оппозиция режиму» с заслуженной антисоветской фигурой в кармане) даже составили свой собственный пантеон страдальцев. В основном — представителей творческой интеллигенции.

И с ними трудно поспорить — действительно, многие из попавших в «шестидесятнические святцы» одарённых людей страдали, жили в атмосфере страха и доноительства: на них доносили, да и сами они — нередко сообщали куда следует (архивы ВЧК/ОГПУ/НКВД/МГБ/КГБ до сих пор засекречены), коллективные расстрельные письма подписывали (это-то вплоть до 1993 года) и так далее.

Повторюсь — об этом много написано. Но одно для меня всегда оставалось загадкой. Почему страдальцы с «философского теплохода» (**Бердяев, Ильин, Лосский, Франк** и другие) были тихо и с комфортом отправлены страдать за границу? А страдальца **Ахматова** (жена расстрелянного «врага народа» и мать отбывающего заключение «врага народа») страдала в писательском посёлке Комарово (под Ленинградом) — на государственный счёт (и в блокадный Ленинград за ней и за другим страдальцем — Зоценко — был послан специальный самолёт, чтобы вывезти их, а не десять, к примеру, голодающих детей)? А страдалец Пастернак — страдал также на государственный счёт на собственной даче в другом писательском посёлке — Переделкино (под Москвой), а пьесы в его переводах шли по всей стране (и приносили исправный доход)? Почему ещё один страдалец (**Михаил Булгаков**) писал отчаянные письма Сталину о том, что недостаёт средств устраивать привычные приёмы гостям — и кровавый тиран распорядился возобновить пьесы писателя во МХАТе, а другого страдальца (**Андрея Платонова**) — лично раскритиковав за антисоветскую пьесу, Сталин препоручал на «перевоспитание» **Горькому** (и попутно одаривал двухкомнатной квартирой в центре Москвы)?

Безусловно, за всем этим были, скорее всего, и бессонные ночи в ожидании ареста, и липкий страх смерти, и «самые печальные на свете измены — себе самому». Но — почему на фоне всех этих страданий (без кавычек) была и остаётся только одна группа русских писателей, уничтоженная под корень, где убили всех, до единого?

На снимке Павел Васильев.

Я говорю о «новокрестьянских поэтах». Такой термин принят сегодня в литературоведении. В реальной литературной жизни этих писателей (не только поэтов, но и прозаиков) чаще всего называли «крестьянскими» (это нейтрально), а также «крестьянствующими» или «мужиковствующими» (это

уже обличительно) — например, **Маяковский** с подачи **Троцкого** и **Бухарина**: «мужиковствующих свора» (6).

Все они были убиты. В два приёма: в 1925 году — расстрелян **Алексей Ганин** и убит (инсценировка самоубийства) **Сергей Есенин**; в 1937–38 гг. — расстреляны остальные: **Павел Васильев**, **Сергей Клычков**, **Николай Клюев**, **Пётр Орешин**.

Не высланы за границу, не отправлены на Колыму (на «перековку»). А расстреляны. Почему?

Подобную избирательную ненависть большевики проявили до этого только однажды: расстреляв сразу после переворота всех видных монархистов, до каких смогли дотянуться. Публициста **М.О. Меньшикова** (на глазах семьи), лидера «Союза русского народа» **А.И. Дубровина**, священномученика **Иоанна Восторгова** и других. При этом близких им по духу будущих лидеров Белого движения (устроителей Февральского переворота) в это же самое время отпускали под «честное слово»...

Чтобы понять причины столь избирательной ненависти новой власти к крестьянским писателям — надо постараться понять, что такое русское крестьянство вообще? И здесь нам помогут классики русской литературы, в частности — сначала уехавший от

На снимке Сергей Клычков, Пётр Орешин, Николай Клюев.

На снимке Алексей Ганин.

революции 1917 года, а после «прощённый» советской властью и вернувшийся А.И. Куприн.

«Когда говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин», — писал Александр Куприн. — Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность» (3, 145).

Здесь Куприн сказал самое, как мне кажется, главное: не только отождествил понятия «русский народ» и «русское крестьянство», но и невыразимо печально отметил ту сословную пропасть, что отделяет его от народа.

Даже самые «народные» классики русской литературы это понимали, и когда говорили о своём «знании народа», подчёркивали внешний характер этого знания. Так Лесков писал: «Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, а я вырос в народе, на гостомельском выгоне, с казанком в руке, я спал с ним на росистой траве ночного... Я с народом был свой человек, и у меня есть в нём много кумовьёв и приятелей» (4, 14).

То есть «я» отдельно, «народ» отдельно. То же можно сказать и про неудавшееся «опрощение» Толстого. И про «рыдающую музу» Некрасова, и о пророческом ощущении этого трагического раскола Блоком...

Только в начале XX века, с успехами земского просвещения в России и повсеместным распространением грамотности, сложилась такая ситуация, когда народ заговорил сам — своим языком и в лице своих же необычайных и полномочных представителей: новокрестьянских поэтов.

Это случилось ещё до революции 1917 года, однако именно с этой революцией — новокрестьянские поэты связывали осуществление своей заветной мечты: построение «мужичьего рая» на Земле.

Проблема заключалась лишь в одном: идеологи и устроители победившей в Октябре большевистской доктрины так не думали. Больше того, уже начиная с «отцов-теоретиков» научного коммунизма именно крестьянство (7/8 населения России) рассматривалось как неисправимо «реакционный класс», на основании этого Энгельс (7) называл реакционными «целые народы» (известны его слова о русских и славянах вообще). Это — теоретики.

Что уж тут говорить о «практиках» военного коммунизма в лице Троцкого, Свердлова, Бухарина, Каменева и других?

Поэтому неудивительно, что другой ярый ненавистник крестьянства, уже упоминавшийся Максим Горький, прочтя роман Сергея Клычкова «Сахарный немец», писал Бухарину:

На снимке посмертное фото Есенина.

«Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая цензура тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть

дана теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима...» (2, 188).

«Дорогой товарищ Бухарин» не стал медлить, и написал о лирике Есенина, определив её как «смесь из “кобелей”, “икон”, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и “трагической” пьяной икоты...» (1, 15).

Про последовавшие «оргвыводы» другого «дорогого товарища» — «товарища Маузера» — я уже писал.

Чем же так пугала крестьянская Русь и её идеологи — захвативших в стране власть марксистов-интернационалистов?

Ответ, как ни странно, мы можем получить из 1942 года, когда созданная страшным потом и кровью новая государственность висела на волоске.

И.Р. Шафаревич приводит в своей работе «Две дороги к одному обрыву» следующие сведения:

«В своих воспоминаниях Черчилль рассказывает, что, когда во время Сталинградского сражения он подивился самообладанию Сталина, тот ответил: это ничто в сравнении с тем, что ему пришлось пережить «в период коллективизации, когда было репрессировано 10 миллионов кулаков, в подавляющем большинстве убитых своими батраками». Естественно предположить, что «великий перелом», который был для Сталина страшнее войны с Гитлером, и являлся центральным действием» (1, 15) в послереволюционной истории России.

Чтобы понять, что происходило тогда в стране — достаточно вспомнить, что порядка 500 (!) крупных и мелких крестьянских восстаний полыхало в 20-30-е годы на просторах одной шестой мировой суши (9). От самых известных — Антоновского на Тамбовщине или Якутского в Сибири до малых вооружённых выступлений практически везде, где прокатилось кровавое колесо коллективизации.

Никогда власть интернационала так не шаталась, как в эти годы.

А что же крестьянские писатели? А они пишут. Сочувственно. Разочаровавшись в обещаниях новой власти. Осознав, что никакой «мужичий рай» пивными теоретиками научного коммунизма не планировался, так же как и их неистовыми практикантами. Что сами крестьяне, да и Россия в целом рассматривались практикантами всего лишь как хворост в топку мировой революции (тот же Лейба Троц-

кий хотел, например, править миром из Нью-Йорка, там неизмеримо комфортнее и привычнее, к слову сказать, было «демону революции»).

И вот у Есенина за год до убийства появляется поэма «Страна негодяев» с узнаваемыми прототипами Троцкого (комиссар Рассветов-Лейбман) и Махно (лидер повстанцев Номах). С собою же в последнюю свою поездку в Ленинград он увозит готовую поэму «Гуляй-поле» (после смерти бесследно исчезнет). Ключев пишет «Погорельщину», Клычков — «Сахарного немца» и «Чертухинского балакиря». Произведения, где даются хотя и опосредованные, но очень нелестные оценки действительности.

И в отличие от «нытиков-интеллигентов» за крестьянскими писателями стоит сила, хотя и разрозненная, и сбита с толку, но единственная реальная сила в России — крестьянство, 7/8 населения страны. Тот же Троцкий, как пишет И.Л. Солоневич в «Народной монархии», заметил: «Если бы белогвардейцы догадались выбросить лозунг Кулацкого Царя, — мы не удержались бы и двух недель» (5, 33).

Белые не догадались, «сословное» мешало, а вот красные очень хорошо понимали, кто есть хозяин земли русской. Так же как понимали, что впервые, пожалуй, за последние несколько веков у этого хозяина появились яркие, талантливые идеологи — плоть от плоти и дух от духа его.

Дальнейшее было «вопросом техники»...

Поэтому, особенно не доверяясь предателю Суворову-Резуну или гражданину Вермонта Солженищину и их голословной цифире — возьмём за данность цифры человека, лучше кого-либо ещё осведомлённого о масштабах и конкретике репрессий: самого Сталина. Десять миллионов «кулаков, в подавляющем большинстве своём убитых своими батраками».

Про батраков не будем, зачем пояснять лидеру иностранного государства и временному союзнику необходимость применения боевых отравляющих веществ против собственного народа, массовые расстрелы заложников, войска НКВД и прочие детали «великого перелома». Достаточно и сказанного.

Но приведённых цифр вполне достаточно, чтобы на фоне десяти миллионов безвестных русских могил нам открылось подлинное исповедничество тех немногих, известных, кого в современном литературоведении принято объединять в группу «новокрестьянских поэтов».

Библиография

1. Шафаревич И.Р. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. // М.: Институт русской цивилизации, 2014.

2. Куняев С.Ю. Куняев С.С. Сергей Есенин.//М.: 2006.

3. «Сибирь», М.: 2019, № 4//Байборodin А.Г. Русский обычай.

4. Лесков Н.С. Избранные сочинения. М., 2004.

5. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Изд. фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991.

6. Журнал «Леф», М.-П, 1924, № 2//Маяковский В.В. Юбилейное.

7. «Россия и современный мир», М.: 2003, № 4//Шмелев Г.И. К. Маркс и Ф. Энгельс без пьедестала.

8. Кожин В.В. Россия. Век XX. [http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2\(2\).htm](http://rus-sky.com/history/library/kozhinov/2(2).htm)

9. П.Ф. Алешкин, Ю.А. Васильев. Крестьянские восстания в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины. https://royallib.com/read/vasilev_yuriy/krestyanskie_vosstaniya_v_rossii_v_19181922_gg_ot_mahnovshchini_do_antonovshchini.html#934560